

Глава 15: Молочное мороженое

—

По дороге обратно в класс уже приближалось время дневных занятий.

Время от времени мимо спешили одноклассники с рюкзаками, но они не беспокоились об опоздании и шли неторопливо, один за другим.

Летнее солнце было палящим, два часа дня — самое жаркое время, и все здание школы превратилось в огромную паровую баню, так что можно было даже увидеть клубящийся пар.

Один ученик быстро прошел мимо, держа в руке эскимо, откусил, и на молочном мороженом остался четкий ряд отпечатков зубов.

Лу Синцзя что-то надумал.

«Ты иди сначала в класс!» — сказал он, повернувшись к Цинь Мудуну. «Я на секунду вниз сбегаю!»

Сказав это, не дожидаясь ответа Цинь Мудуна, он схватился за перила лестницы и быстро спустился вниз.

Цинь Мудун слегка нахмурился, молча повернулся и посмотрел на него, пока его фигура полностью не исчезла за поворотом лестницы, пока шаги полностью не стихли, и только тогда он один поднялся наверх и вернулся в класс.

Лу Синцзя быстро вернулся, войдя в класс под первый послеполуденный звонок.

«Держи».

Он небрежно положил брикетик молочного мороженого на стол Цинь Мудуна, а второй держал в одной руке, откусывая упаковку зубами, и с наслаждением откусил большой кусок, щурясь от счастья.

Цинь Мудун опешил: «Ты за этим ходил?»

«М-м, ага».

Лу Синцзя любил холод, откусил большой кусок и засунул его в рот, от чего зубы заныли от холода, он вдыхал воздух и невнятно проговорил: «А иначе... иначе зачем бы я пошел?»

Цинь Мудун взял со стола мороженое, пальцы его слегка зашевелились, разрывая упаковку, и он откусил кусок, подражая Лу Синцзя.

Прохлада распространилась по рту, а затем — насыщенный молочный аромат.

Он давно не ел молочных продуктов, помимо молочной конфеты, которую ему дал Лу Синцзя, последние воспоминания об этом относились к шестому классу начальной школы.

После смерти дедушки ему пришлось некоторое время жить с женщиной, которая формально была его матерью.

Женщина жила в маленьком особняке с гаражом, газоном и собственным бассейном. Он жил в их доме, чувствуя себя чужим среди всего этого, даже хуже, чем собака по кличке Бэйбэй, которая действительно принадлежала этой семье, а он был лишь шутком, живущим на чужой шее, грязным и презренным.

В доме был младший брат примерно его возраста, сын женщины от нового мужа.

Брат, как и все избалованные богатые дети, был высокомерным и деспотичным, и тоже презирал этого формального «старшего брата».

Он издевался над ним, зимой толкал его в бассейн, намеренно разбивал вазы, а потом сваливал вину на него. Он не обращал внимания и не хотел связываться с человеком низкого нрава.

Пока однажды он не выхватил банку с молочными конфетами, которую он бережно хранил в своей комнате, не съел их, а просто бросил на пол и растоптал.

Сладкий молочный запах смешался с пылью, и худой подросток прижал голову другого, полного мальчика, и сильно ударил о стену.

Маленький толстяк мучительно завыл, слуги поспешно разняли их, и та женщина посмотрела на него с разочарованием, а вскоре после этого они отправили его в школу-интернат.

Все говорили ему, что он был неправ, что тот человек был его братом, еще маленьким, не понимающим.

Но им было все равно, что та банка молочных конфет была последним воспоминанием, оставленным ему дедушкой.

В детстве дедушка всегда с улыбкой гладил его по голове и говорил ему: когда грустно, съешь молочную конфету, а потом возьми себя в руки, и если он будет достаточно хорошим, достаточно послушным, папа и мама вернутся и увидят его, и все, что он захочет, исполнится.

Позже он понял, что они никогда не вернуться, и он ничего не получит, а есть молочные конфеты было просто трусливым самообманом.

Он поклялся больше никогда не есть молочных конфет.

«Не вкусно?» — Лу Синцзя заметил, что Цинь Мудун долго смотрел на надкушенное мороженое.

Цинь Мудун слегка опустил глаза и снова оставил четкий отпечаток зубов на белом мороженом: «...Вкусно».

До сих пор он не знал, почему взял ту молочную конфету, которую дал ему Лу Синцзя, но после того, как он съел ее, казалось, все стало меняться.

Замерзший лед дал трещину, настолько тонкую, что ее почти невозможно было заметить, но она постоянно расширялась.

Лу Синцзя ел быстро, до звонка оставалось немного, и, боясь не успеть, он съел почти все мороженое за несколько больших укусов, оставив только голую деревянную палочку. Он небрежно бросил ее, и палочка, описав красивую дугу в воздухе, точно упала в мусорное ведро в задней части класса.

«Я так и знал, что тебе понравится», — сияющий улыбкой подросток, с белыми молочными разводами по углам рта, высунул розовый язычок и слизнул белое мороженое с губ, — «потому что мне тоже нравится!»

Кадык Цинь Мудуна двинулся вверх-вниз, он опустил взгляд на белое мороженое и снова с силой откусил.

Чувствуя нити прохлады и сладости.

—

Незаметно пролетела еще одна неделя, и вот уже пятница.

После целой недели интенсивных нагрузок у всех в глазах читалась усталость, а в сочетании с душливой летней жарой весь класс был сонным и безжизненным, все ждали выходных, чтобы вдоволь повеселиться.

Чжан Чучу тоже понимал, что ученики не в настроении учиться, и на последнем вечернем факультативе в пятницу дал им что-то бодрящее.

Упоминание о чем-то бодрящем вызвало в классе волну стонов: «Да ладно, Чу Гэ, ночью экзамен, что ли?»

«Кто сказал?! Экзамен?!»

«Так жёстко? Неужели нам не дадут спокойно провести выходные?»

...

Чжан Чучу рассмеялся про себя, сидя за учительским столом, все еще сохраняя серьезное выражение лица: «Я выгляжу настолько бессердечным?»

В классе воцарилась двухсекундная тишина, затем послышался звонкий голос Цю Жуйфэна: «Действительно».

Провести экзамен за день до каникул — это действительно то, что мог сделать Чжан Чучу.

«Ха-ха-ха-ха-ха!»

Класс расхохотался.

«Чу Гэ! Это сказал только он! Пусть он один и сдаёт!»

«Думаю, можно!»

«Поддерживаю!»

...

«Эй-эй-эй», — недовольно сказал Цю Жуйфэн, — «я всего лишь выразил общие мысли!»

«Да ладно, Чу Гэ такой красивый и элегантный, как он может устраивать экзамен в пятницу вечером?» — подхватил кто-то, а потом льстиво посмотрел на Чжан Чучу: «Чу Гэ, вы ведь согласны?»

Чжан Чучу развеселился от этой группы шутовских учеников: «Поскольку вы так любите говорить правду, сегодня экзамена не будет».

Он перестал дразнить их и объявил настоящий сюрприз: «Сегодня мы меняемся местами».

Пересадка, казалось бы, не такая уж большая новость, но в скучной школьной жизни это определенно было важным событием.

Значение соседа по парте или поблизости было не просто именем, оно также означало ежедневное сосуществование, совместную борьбу или тайное соперничество. Вспоминая школьные годы, самые яркие воспоминания оставались о людях, сидевших рядом.

В классе поднялся шум, все выстроились в длинную очередь в коридоре, и хотя места уже были определены, все равно было волнительно и сердце колотилось быстрее.

Оценки Цинь Мудуна были на высоте, но Лу Синцзя занимал место пониже, так что в среднем они оказались примерно посередине.

Глядя на двадцать с лишним одноклассников впереди, Лу Синцзя осторожно взглянул на высокого, худого парня, стоявшего рядом, чувствуя небольшое разочарование.

Если бы не он, Цинь Мудун мог бы сидеть очень близко к первым рядам. Он знал, что тот всегда любил тихие места, но когда дошла очередь до них двоих, вариантов, вероятно, уже было немного.

Ночь была спокойной, и взгляд юноши был особенно выразительным.

Цинь Мудун, засунув одну руку в карман школьной формы, слегка опустил взгляд: «Неважно, где сидеть».

Низкий, притягательный голос ударил по барабанной перепонке, Лу Синцзя на секунду оцепенел, прежде чем понял, что это Цинь Мудун говорит.

Хотя на его лице не было никаких эмоций, а голос был до невозможности холодным, Лу Синцзя почувствовал в нем глубоко скрытую нежность.

Его сердце потеплело, он знал, что Цинь Мудун утешает его.

Он изогнул губы в улыбке и подарил Цинь Мудуну самую сияющую улыбку: «Я буду стараться».

Неважно, возражает он или нет, он хотел дать ему все самое лучшее.

Люди впереди один за другим входили в класс, и вскоре очередь дошла до Лу Синцзя и Цинь Мудуна.

Стоя у двери класса и заглядывая внутрь, они увидели, что в классе было много одноклассников, разбросанных по всему классу, и было не так много мест, из которых можно было бы выбирать. В итоге они выбрали место в заднем ряду у окна: Цинь Мудун сел у стены, а Лу Синцзя — у прохода.

После того как они выбрали и сели, человек спереди постучал по столу Лу Синцзя.

Цю Жуйфэн приподнял бровь: «Вот так совпадение, братан».

«Ого, вы, оказывается, все еще перед нами!» — глаза Лу Синцзя вспыхнули.

Раньше, занятый поиском места у окна, Лу Синцзя не замечал, что Цю Жуйфэн и Цзи Янжань сидят прямо перед ним.

«У нас общая судьба», — Цзи Янжань тоже повернул голову и поздоровался с Лу Синцзя, он был более замкнутым по натуре и мало с кем был знаком в классе, поэтому ему было гораздо комфортнее продолжать сидеть рядом с Лу Синцзя.

Цю Жуйфэн, подперев голову руками и слегка откинувшись назад на стуле, наблюдал за входящими и выбирающими места одноклассниками, вздыхая: «Что это у нас? Мы просто поменялись местами ни за что?»

Лу Синцзя рассмеялся, его рассмешил, и он игриво толкнул его, а сидевший рядом Цинь Мудун слегка отвернулся, не желая на них смотреть.

После того как все расселись в классе, Чжан Чучу сделал еще несколько замечаний, и пришло время расходиться по домам.

Цинь Мудун снова исчез, как будто его и не было, Цю Жуйфэну сегодня нужно было уйти пораньше из-за дел дома, а Лу Синцзя медленно убирал свой стол, как раз когда Цзи Янжань тоже накинул рюкзак.

Они понимающе улыбнулись, и Лу Синцзя предложил: «Пойдём вместе?»

«Хорошо», — Цзи Янжань кивнул, и они вдвоём, один за другим, вышли из класса.

Перестановка мест и перенос вещей заняли много времени, и занятия в классе закончились немного позже обычного. В учебном корпусе почти никого не было, и шаги отдавались отчетливым эхом.

Цзи Янжань выглядел как прилежный ученик, и по натуре был таким же. Школьная форма всегда была аккуратно выглажена, молния всегда застегнута до самого ворота, а когда он шел,

то, как первоклассник, держал руки на лямках рюкзака.

Видимо, почувствовав, что вокруг слишком тихо, Цзи Янжань сам заговорил: «Цзяцзя, почему ты захотел изучать физику?»

«Я...» — Лу Синцзя задумался и невнятно ответил, — «просто... вдруг проснулся и захотел, захотел попробовать другую жизнь».

Он не специально хотел обмануть Цзи Янжана, но причина «ради кого-то» звучала слишком неопределенно, и не было необходимости объяснять все так подробно другим.

Цзи Янжана позабавило его объяснение: «У тебя что, внезапно открылись меридианы Жэнь и Ду?»

«Угу, примерно так», — кивнул Лу Синцзя.

Перерождение — это действительно что-то фантастическое, даже более фантастическое, чем то, что написано в романах про боевые искусства.

Даже он сам время от времени сомневался: реально ли все это сейчас? Действительно ли он вернулся в прошлое?

Но сомневаться в этом бессмысленно, ему оставалось только стараться хорошо жить сейчас.

«Очень хорошо», — вздохнул Цзи Янжань, — «иметь цель — это очень хорошо».

На повороте лестницы было большое окно, сквозь которое лился слабый лунный свет.

Цзи Янжань поднял глаза на луну и тихо вздохнул: «Я не знаю, что мне нравится».

Лу Синцзя спросил: «Ты пришел изучать физику не потому, что тебе это нравится?»

Цзи Янжань покачал головой: «Не знаю, мама велела мне учиться, и я учился».

Каждый внешне совершенный и счастливый человек, возможно, под спокойной улыбкой скрывает неизвестную боль или растерянность.

Лу Синцзя утешил его: «Но ты так хорошо разбираешься в физике, это очень круто».

«Правда?» — Цзи Янжань почесал затылок, — «Я на самом деле особо не усердствовал, мне

кажется, физика довольно простая, и все должны ее освоить».

Лу Синцзя: «...»

Почувствовал мощь академика.

Цзи Янжань, кажется, тоже сразу отреагировал, поспешно махнув рукой: «Я не это имел в виду, я, я...»

«Все в порядке», — Лу Синцзя знал, что он не специально это сказал, и сделал жест кулаком, — «я буду стараться!»

Цзи Янжань смущенно улыбнулся: «На самом деле, если подумать, я довольно долго изучал физику, с начальной школы посещал внешкольные курсы по олимпиадам».

Упомянув начальную школу, Лу Синцзя вспомнил то, что давно хотел спросить.

«Кстати», — спросил он, — «я слышал от Цю Жуйфэна, что вы с Цинь Мудунем были одноклассниками в средней школе?»

«Да», — кивнул Цзи Янжань, — «из одной школы, и из одного класса».

Сердце Лу Синцзя забилося быстрее, он глубоко вдохнул и как бы невзначай спросил: «Тогда... каким был Цинь Мудун в средней школе?»

«...»

Цзи Янжань помолчал некоторое время, как будто размышляя, стоит ли говорить, и лишь спустя долгое время медленно ответил: «Он сильно изменился в средней школе. Сначала он хорошо ладил со всеми в классе, но потом из-за кое-чего полгода не посещал школу, а когда вернулся, то уже ни с кем не общался».

Лу Синцзя вздрогнул, почти инстинктивно воскликнув: «Что случилось?!»

Его дыхание остановилось, он впервые почувствовал, что вот-вот коснется какой-то правды.

—